

УДК 351.746

Ольга Викторовна КОНОВАЛОВА,
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), доктор исторических наук, доцент

olgav-k@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

COUNTERING TERRORISM IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF L.N.TOLSTOY

В статье рассматриваются исторические аспекты, связанные с противодействием терроризму; обращается внимание на эволюцию мировоззрения идеолога эсеровского терроризма В.М. Чернова под влиянием исторического опыта и переосмысления концепции ненасилия Л.Н. Толстого; предлагаются рекомендации по совершенствованию профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде.

The article considers the historical aspects related to countering terrorism and draws attention to the evolution of the world view of the socialist revolutionary ideologue of terrorism V.M. Chernov under the influence of historical experience and rethinking Leo Tolstoy's concept of non-violence; recommendations for improving prevention of extremism and terrorism among youth are suggested by the author.

Ключевые слова: противодействие терроризму, политический терроризм, идеология терроризма, мировоззрение В.М. Чернова, концепция ненасилия Л.Н. Толстого.

Keywords: countering terrorism, political terrorism, ideology of terrorism, V.M. Chernov's world view, L.N. Tolstoy's concept of non-violence.

Реформы Александра II способствовали развитию капиталистических отношений в России, но вызвали неоднозначную реакцию в обществе. Значительное ухудшение материального состояния крестьянства в процессе преобразований привело к появлению общественного движения народничества, которое для борьбы с самодержавием взяло на вооружение тактику политического терроризма. Народовольцы замыслили и осуществили убийство самого императора.

Драматические события в стране совпали с духовным кризисом в жизни Л.Н. Толстого. В возрасте 50 лет (1878 г.), осознавая эфемерность ценностей мирской жизни перед вечным небытием, он обратился к истокам христианства. [6, с. 304] События 1 марта 1881 г. и смерть Александра II глубоко потрясли Толстого, и он решил написать письмо новому императору.

В нем он, с одной стороны, признавал: "Царя русского, сделавшего много добра и всегда желавшего добра людям, старого, доброго человека, бесчеловечно изувечили и убили не личные враги его, но враги существующего порядка вещей, убили во имя какого-то высшего блага всего человечества". С другой – призывал Александра III не идти по пути мести, государственного долга, а поступить по-христиански – простить и помиловать революционеров, "отдать им добро за зло", выслать из страны, отправив куда-нибудь в Америку. "Всякий шаг Ваш к прощению есть шаг к добру; всякий шаг к наказанию есть шаг ко злу, не видеть этого я не могу", – писал он. Практически пророчески прозвучали слова Толстого: "Не простите, казните преступников, Вы сделаете то, что из числа сотен Вы вырвете 3-х, 4-х и зло родит зло, и на место 3-х, 4-х вырастут 30, 40... Убивая,

уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который был бы выше их идеала, включал бы в себя их идеал... идеал любви, прощения и воздаяния добра за зло" [7, с. 469-480]. Письмо было передано через литературного критика Н.Н. Страхова Обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву, но до императора не дошло. Победоносцев сделал все для того, чтобы император не помыслил о помиловании, а схваченные народовольцы были повешены.

В годы правления Александра III удалось разгромить революционные организации, но после его смерти Россия вступила в полосу нового революционного кризиса. Появились массовые радикальные социалистические партии. Партия социалистов-революционеров решила вернуться к тактике политического терроризма народовольцев. В структуре партии была создана Боевая организация, она организовала и осуществила убийства двух министров внутренних дел Российской империи – Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, уфимского губернатора Н.М. Богдановича, Великого князя Сергея Александровича.

Идеолог и теоретик партии эсеров В.М. Чернов, обосновывая целесообразность террористической тактики, доказывал, что она является закономерной реакцией общества на произвол власти и несправедливость народа – "терроризм – самозащита, оружие необходимой самообороны"; способствует дезорганизации правительства и является своеобразной формой "диалога", заставляющей власть под угрозой новых покушений изменить политику, выступает как средство "революционирования масс" – "пропаганда действием" и при этом носит "сакральный характер" – как правило, сами террористы приносят себя в жертву за спасение народа. [7, с. 202; 17, с. 34-35, 38-39; 8, с. 69-73; 9, с. 129-130]

Впоследствии вспоминая гимназические годы, Чернов писал: "Теперь трудно себе представить, насколько в те времена был силен напор толстовских идей. В толстовстве была своеобразная внутренняя сила. Если хочешь бороться со злом, не пробуй побеждать его тем же, этим-то именно оно и растет, как катящийся снежный ком, заражая самое добро. Не принимай ни прямого, ни косвенного участия ни в какой лжи, ни в каком насилии. Сохрани чистоту своей души и своих рук. Мужественно, мученически выноси все насилия, истязания, издевательства, ни на минуту не отказывайся от исповедания той правды, за которую тебя, конечно, подвергнут гонениям, ни на минуту не поддавайся соблазну избавиться от последствий такого исповедания – ни силой, ни хитростью. О, здесь была своя великая притягательность для юношеского сердца, жаждавшего самоотречения и жертвы. Мы "боролись" с толстовцами, а у нас самих почва все время двигалась под ногами" [18, с. 28-29].

Возможно тогда, когда Толстой призвал власть одуматься, поступить по-христиански, на деле продемонстрировав веру, приверженность гуманистическим ценностям, изменить свое отношение к революционерам, а молодых людей – отказаться от стремления к революционному насилию и заняться самосовершенствованием, был шанс исправить ситуацию. Современные исследователи революционного терроризма в России приходят к выводу, что возникновению и живучести терроризма в России способствовала в значительной степени сама власть своей необоснованной и чрезмерно жестокой репрессивной политикой. [1, с. 337] Еще кадет Ф.И. Родичев писал: "В русском революционном движении правительство сыграло выдающуюся роль организатора. Оно своими преследованиями ожесточало в сущности очень молодых людей, способствуя их "отщепенчеству", превращая их в членов некоего "революционного ордена" [цит. по: 1, с. 339]. Власть тем самым придавала революционерам чрезмерное значение, возвышая их и в собственных глазах, и в глазах общества.

В период революции 1905-1907 гг. терроризм приобрел массовый характер, произошло своеобразное освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек. По данным американской исследовательницы А. Гейфман, общее число жертв терактов за 1901-1911 гг. составило около 17 тысяч человек. [3, с. 32] Чтобы остановить волну терроризма, власть ответила на революционное насилие государственным террором. После покушения на П.А. Столыпина в августе 1906 г. в качестве чрезвычайных мер был принят закон о военно-полевых судах. Предание суду происходило в течение суток после совершения преступления. Разбор дела мог длиться не более двух суток, приговор приводился в исполнение в 24 часа и обжалованию не подлежал. Официальных данных о числе жертв нет. По данным, приведенным в Википедии, военно-полевыми и военно-окружными судами по политическим преступлениям были вынесены 5735 смертных приговоров, из которых 3741 приведены в исполнение. К каторжным работам приговорены 66 тысяч человек. В то время масштаб репрессий считался беспрецедентным, ведь за предыдущие 80 лет российское государство по политическим преступлениям вынесло 625 смертных приговоров, из которых 191 был приведен в исполнение. [13]

Волну революционного насилия удалось на время сбить. Однако 5 сентября после покушения 1 сентября 1911 г. умер сам П.А. Столыпин. В феврале 1917 г. в России пала монархия, началась революция, за которой последовала кровопролитная и жестокая гражданская война. По сведениям А.Л. Литвина, с 1918 по 1922 гг. потери населения составили 13 миллионов человек. Из них 2 миллиона человек эмигрировали, 2 миллиона погибли на полях сражения, 1,5 миллиона стали жертвами "красного" и "белого" террора, 7,5 миллионов погибли от болезней и голода. [11, с. 8]

С 1918 г. новым явлением стал государственный террор большевиков в виде внесудебных репрессий и лагерей. В июне

1922 г. состоялся судебный процесс над партией социалистов-революционеров. 12 членов ЦК приговорены к смертной казни, приговор под давлением мировой социалистической общественности был пересмотрен. Основная часть членов эсеровской партии были репрессированы в 1936-1942 гг. вместе с большевиками, игравшими ведущую роль в 1917 г. и годы гражданской войны. Данные о масштабах политических репрессий разнятся. Согласно Справке 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных в период 1921-1953 гг. от 11 декабря 1953 г., подписанной начальником архивного отдела МВД Павловым, с 1921 г. по середину 1953 г. за контрреволюционные преступления были осуждены 4060306 человек, из них приговорены к смертной казни 799455 человек, содержанию в лагерях и тюрьмах – 2631397 человек, к ссылке и высылке – 413512 человек, прочим мерам – 215942 человек. Пик репрессий пришелся на 1937-1938 гг. – арестованы 1,372 тысяч человек, приговорены к расстрелу 682 тысячи человек. [4, с. 431-436] В ходе политики коллективизации в 1930-1931 гг. раскулачены и отправлены на спецпоселения 381026 семей, численностью 1803 392 человек; 1932-1940 гг. – 489822 раскулаченных. [12] Массовый голод 1932 г. унес жизни от 5 до 10 миллионов человек.

Вот уж поистине насилие, помноженное на насилие, породило еще большее насилие. Оказавшись с 1920 г. в эмиграции и внимательно наблюдая за тем, что происходит в России, идеолог эсеровского терроризма В.М. Чернов неоднократно возвращался к теме "этика и политика", роли личности Л.Н. Толстого в российской истории. Рассматривая перипетии революционного процесса, он писал: "Дух русской революции – это дух максимализма... максимализма русской жизни и русской истории... Непреодолимое отвращение к прошлому заставляет людей разрубать надвое гордые узлы политических и экономических проблем даже тогда, когда их можно просто развязать". "Максимализм интелли-

генции являлся плотью от плоти и кровью от крови максимализма народа".

Парадокс, но такие явления, как концепция и практика ненасилия Л.Н. Толстого и политический терроризм, Чернов считал двумя проявленными противоположностями максимализма народного духа. По его мнению, в истории России заметны две тенденции – стремление государства распространить и усилить свою власть, с одной стороны, и желание народа освободиться от железной руки государственной власти – с другой. "Не случайно толстовская идея непротivления злу насилieм была доведена в России до своего неумолимого логического завершения, и Россия дала миру трех величайших анархистов: писателя Льва Толстого, философ Петра Кропоткина и политика Михаила Бакунина. Естественно, в России существовала и ее полная противоположность: терроризм как система, как организованный метод борьбы с тиранией. Моральное отвращение, невероятная ненависть к любому виду насилия выражались в самой крайней форме сопротивления – с револьвером и бомбой" [15, с. 409, 412-413].

В статье "Два полюса духовного скитальчества (Лев Толстой и Глеб Успенский)", опубликованной в 1943 г. в "Новом журнале" в Нью-Йорке, Чернов подчеркивал: Толстой "родственен тем революционерам-народникам из дворянской среды, которые жаждали искупить личным подвигом свой неоплатный долг перед народом". "В лице Толстого, – считал Чернов, – мы имеем дело с непревзойденным по нравственному величию и по мощи своего "покаяния" "кающимся дворянином". Он мучился и мечтал прекратить эту муку уходом в простую, здоровую, крепкую цельностью своей народную массу". Двойственность Толстого, по мнению Чернова, проявлялась, во-первых, в ностальгии скитальчества, отшельничества – желании подобно "индусу удалиться в лес", чтобы "последние годы своей жизни посвятить Богу", во-вторых, "бурному отщепенчеству" – стремлению отказаться от привычного уклада жизни "в социальном бельэтаже современного

общества", "господствующей церкви, которая реагировала на его вдохновенное слово торжественным отлучением"; "тяжеловесной государственности российской, вплоть до отрицания государства вообще, т.е. христианского анархизма, от всех имущих и привилегированных... от всего быта и культуры этой среды". "Лев Толстой мучительно раздвоен. "Лев" в Толстом выслеживает и хочет изгнать графа со всем его графством; а граф умеет притаиться и неуловимый как Протей, тихой сапою подкапывается под величественного "Льва" [16, с.261-274].

О двойственной противоречивости Толстого писал и Ленин. В одной из самых известных – "Лев Толстой как зеркало русской революции" (1908 г.) – отмечалось: "Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны, помещик, юродствующий во Христе... С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, с другой стороны, "толстовец"... и юродивая проповедь "непротivления злу" насилieм". "С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии".

Вождь мирового пролетариата также полагал, что такие противоречия в мировоззрении Толстого не случайны, а являются отражением условий русской жизни. Во взглядах и поведении писателя проявляется своеобразный протест "патриархальной русской деревни против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс". Толстой отразил, по мнению Ленина, с одной стороны, "накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого", с другой – "незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости".

Ленин был убежден, что художественные творения Толстого "всегда будут ценны и читаемы, массами", будущему принадлежит и содержащаяся в творчестве Толстого "беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления". Однако в прошлое отойдет, считал он, религиозно-нравственное учение Толстого, находящееся в противоречии с единственно верной теорией, способной привести человечество к освобождению от капиталистического гнета, – с научным социализмом. [10, с. 209-212].

Чернов в отличие от Ленина видел не только социально-классовую подоплеку исканий великого писателя, но и духовную ее основу – "стремление обрести самого себя, хотя бы ценою потери всего, что его окружало с рождения". К концу жизни идеолог эсеровского терроризма признал, что в чем-то Толстой оказался прав – насилие порождает насилие. В его этической доктрине о непротивлении злу насилием, напишет Чернов, "есть, конечно, зерно какой-то высшей правды... насилие побеждают любовью, а не насилием; любовь, против насилия прибегающая к насилию, сама вырождается в худший вид деспотизма". Безусловно, в реальной жизни, отмечал Чернов, "стихия массовых погромов, чужеземного нашествия, захвата власти и установления целого строя деспотии внешней или внутренней требует встречной силы, героической вооруженной самообороны, восстания, революции". Применение силы порой необходимо, в том числе для того, чтобы предотвратить большее насилие. Но все-таки, был убежден эсер, моральный максимализм Толстого этим не опровергался, а лишь дополнялся: "Когда любовь вдохновляет на убийство... ни для истины, ни для любви это насилие над самим собою не проходит так просто, даром". Когда-нибудь в истории человечества, провозгласит Чернов, наступит эпоха "его подлинного Очеловечения" которая сдаст в исторический архив не только революции, но и саму память о них, – как еще

ранее этого она сдаст в него безобразное чудовище войны" [цит. по: 9, с. 129-130].

Таким образом, нравственный идеал Толстого – теория и практика ненасилия – прошел своеобразное испытание временем, стал тем моральным императивом, с которым не могли не согласиться даже идеологи революционного терроризма. Для совершенствования профилактической работы в сфере противодействия экстремизму и терроризму, несомненно, представляет интерес идейное обоснование великим писателем целесообразности и необходимости гуманистических принципов в жизни и деятельности человека и общества.

В дневнике русского литературоведа, личного секретаря Толстого Николая Николаевича Гусева (22 мая – 13 июля 1908 г.) содержится интересная запись от 10 июня о том, что утром он прочитал Толстому следующую выдержку из А.И. Герцена: "Наша жизнь – постоянное бегство от себя, точно угрызения совести преследуют и пугают нас. Как только человек становится на свои ноги, он начинает кричать, чтобы не слышать речей, раздающихся внутри. Ему грустно – он бежит рассеяться; ему нечего делать – он выдумывает себе занятие; от ненависти к одиночеству он дружится со всеми, все читает, интересуется чужими делами, женится на скорую руку. Кому и эта жизнь не удалась, тот напивается всем на свете: вином, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, благодеяниями, ударяется в мистицизм, идет в иезуиты, налагает на себя чудовишные труды, и они ему все-таки легче кажутся, чем какая-то угрожающая истина, дремлющая внутри его. В этой боязни исследовать, чтобы не увидеть вздор исследуемого, в этом искусственном недосуге, в этих поддельных несчастьях, усложняя каждый шаг, вымышленными путями мы проходим по жизни спросонья и умираем в чаду нелепостей и пустяков, не пришедши в себя". Эта цитата настолько оказалась созвучна мыслям Толстого, что он со слезами на глазах заметил: "Я помню, я это читал, но когда это вместе со всем остальным, с его рассужде-

ниями о своей жизни, это не производит такого впечатления; а нужно взять ее отдельно, как брильянт" [5].

К этому моменту Толстой прошел долгий путь духовных исканий. В последнем произведении великого писателя "Путь жизни" (1910 г.), которое он считал лучшим своим творением, звучит квинтэссенция его размышлений о сути жизни, духовное обоснование принципа ненасилия. Для аргументации своей позиции Толстой опирался на духовную составляющую всех мировых религий. По мнению писателя, человеку на протяжении его жизни нужно ответить на главный вопрос: "Что такое он сам и тот мир, среди которого он живет?". Отвечая на вопрос: «Кто такой "Я"»?», человек неизбежно приходит к осознанию своей духовной сути: "Всемирное, невидимое начало это, дающее жизнь всему живому, сознаваемое нами в самих себе и признаваемое в подобных нам существах – людях, мы называем душою, само же в себе всемирное невидимое начало это, дающее жизнь всему живому, мы называем Богом". "Однако, – обращал внимание Толстой, – если человек не знает самого себя, то нельзя советовать ему, чтобы он постарался узнать Бога... Прежде, чем узнать Бога, человек должен узнать самого себя".

"Смысл и благо человеческой жизни", провозглашал писатель, в обретении духовного единства людей друг с другом и Богом. Достигается это любовью и осознанием своей божественности. Поскольку "в каждом человеке та же душа, что и во мне", то обращаться со всеми людьми нужно "одинаково, с осторожностью и уважением", "всегда поступать с ближними, как хочешь, чтобы поступали с тобой". Вместе с тем осознанию такого единства препятствуют "грехи, соблазны и суеверия". Борьба с ними способствует очищению и просвещению бессмертной души. "Усилия самоотречения, смирения и правдивости, уничтожая в человеке препятствия к соединению любовью его души с другими существами и Богом".

Провозглашая духовные истины, Толстой при этом выступал против религиозного фанатизма. "Настоящая вера не в том, чтобы знать, в какие дни есть постное, в какие ходить в храм и какие слушать и читать молитвы, а в том, чтобы всегда жить доброю жизнью в любви со всеми", – писал он. Нужно преподносить Богу не дары, а "наши добрые дела". "Когда человек держится веры только потому, что за исполнение дел веры ожидает в будущем всяких внешних благ, то это не вера, а расчет" [14, с. 13-16].

Относиться к идеям Толстого можно по-разному. В 1909 г. в предисловии к статье Толстого "Письмо к индусу" М. Ганди писал: "В том, что проповедует Толстой, нет ничего нового. Но его трактовка старой истины свежа и действенна. Его логика неопровержима. И, самое главное, он пытается осуществить в жизни то, что проповедует... Он искренен и серьезен" [цит. по: 2, с. 438].

Несомненно, что противодействие терроризму и экстремизму невозможно без применения силовых мер, однако наряду с запрещением деятельности террористических, экстремистских организаций, пресечением пропаганды и агитации национальной, религиозной, социальной розни необходимо обращать внимание на создание благоприятных условий для разрешения конфликтов мирным правовым путем.

Одновременно с ограничением показа сцен насилия в СМИ необходимо способствовать формированию и развитию идеалов гуманизма среди молодежи. Значимую роль в противодействии идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде может сыграть изучение не только известных литературных работ Л.Н. Толстого, но и перипетий его жизненного пути, публицистических произведений, в которых он обосновывает концепцию ненасилия. Для этого целесообразно под руководством учителей, преподавателей, сотрудников библиотек и т.д. организовывать и проводить по этому поводу круглые столы, диспуты и т.п.

Библиографический список

1. Будницкий, О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.) / О.В. Будницкий. – М., 2000.
2. Бурба, Д. Махатма Лев Толстой / Д. Бурба. – М., 2013.
3. Гейфман, А. Революционный террор в России, 1894-1917 гг. / А. Гейфман ; пер. с англ. Е. Доман. – М., 1997.
4. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2002.
5. Гусев, Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым (Дневник 22 мая – 13 июля 1908 года) / Н.Н. Гусев. – URL: <http://tolstoy.lipetsk.ru/l-n-tolstoj-v-vozpominaniyah-sovremennikov/n-n-gusev-dva-goda-s-l-n-tolstym-dnevnik-22-maya-13-iyulya-1908-goda> (дата обращения: 01.08.2016).
6. Гусейнов, А.А. Великие моралисты / А.А. Гусейнов. – М., 2008.
7. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов-на-Дону, 1996.
8. Коновалова, О.В. Особенности терроризма в России: исторические аспекты / О.В. Коновалова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – №3(7).
9. Коновалова, О. В.М. Чернов: от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России / О. Коновалова, В. Федорова // Российская история. – 2016. – №1.
10. Ленин, В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции / В.И. Ленин // ПСС. – Т.17.
11. Литвин, А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. / А.Л. Литвин. – М., 2004.
12. Литвиненко, В.В. Подлинная история СССР / В.В. Литвиненко. – М., 2010. – URL: <http://www.litmir.co/br/?b=133960&p=3> (дата обращения: 01.08.2016).
13. Столыпин П.А. : материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 01.08.2016).
14. Толстой, Л.Н. Путь жизни / Л.Н. Толстой // ПСС. – Т.45. – М., 1956.
15. Чернов, В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905-1920 / В.М. Чернов ; пер. с англ. Е.А. Каца. – М., 2007.
16. Чернов, В.М. Два полюса духовного скитальчества (Лев Толстой и Глеб Успенский) / В.М. Чернов // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1943. – №5.
17. Чернов, В.М. Н.К. Михайловский как этический мыслитель / В.М. Чернов // Заветы. – 1914. – № 5.
18. Чернов, В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары / В.М. Чернов. – Мн., 2004.